

полной мере воспользоваться, зависит судьба стратегического партнерства двух стран как динамично растущего и все более действенного фактора безопасности и стабильности, развития и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Примечания

¹ URL: www.kremlin.ru/acts. 07.05.2012.

² URL: www.kremlin.ru/news/17520.

³ Это незабываемое слово — «Льенсо». М., 2006. С. 409—413.

⁴ Nghien suu quoc te. 2012. № 3. Тг.51—67.

⁵ Российская газета. 28 декабря 2012.

⁶ The gioi va Vietnam. 21 декабря 2012.

⁷ Подробнее см.: Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 56—66.

⁸ Nghien suu chau Au. 2008, № 1. Тг.62—75

⁹ Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 31.

¹⁰ URL: www.mid.ru-1461 — 29-07-2012.

¹¹ Это незабываемое слово — «Льенсо». Указ. соч. С. 405—408.

¹² URL: www.kremlin.ru/ref_notes/1279.

В.М. Мазырин

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ВЬЕТНАМА И ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ ЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ¹

Постановка вопроса

Уже более 25 лет (с 1986 г.) во Вьетнаме идут всесторонние реформы и обновление («дой мой»). За это время в основном завершен переход от планово-распределительной системы к рыночному хозяйству, достигнут существенный прогресс в модернизации экономики, что упрочило позиции страны в мире.

Это вызывает повышенный интерес к изучению опыта и результатов движения СРВ по рыночному пути. Оценка уровня и проблем развития вьетнамской экономики позволяет понять возможности и перспективы нашего стратегического партнера.

Показатели и последствия роста вьетнамской экономики для РФ

Остановимся на основных показателях экономического развития СРВ и рассмотрим их с точки зрения развития двусторонних отношений.

(1) Быстро расширяются размеры национальной экономики за счет высокого прироста ВВП. По этому показателю Вьетнам в

конце 2000-х гг. оказался в первой полусотне экономик мира². Насколько мощный рывок сделан, можно оценить, только вспомнив, что в 1980-е годы он входил в разряд беднейших государств (в конце второй сотни). Особенно значимая тенденция — сокращение времени, необходимого для кратного увеличения внутреннего валового продукта. При расчете по обменному курсу (к доллару) ВВП вырос вдвое за 10 лет (1995—2004) — с 20,7 до 45,3 млрд долл., а на следующее удвоение понадобилось 5 лет. Даже если хозяйственная динамика СРВ снизится, что прогнозируемо, то можно ожидать очередного удвоения — до 180 млрд — в 2014—2015 гг. Более скромные официальные прогнозы предполагают, что в 2020 г. вьетнамский ВВП составит 225—230 млрд долл., что в 2,2 раза больше, чем сегодня³.

Этот расчет позволяет нам дать новое определение экономики СРВ как приближающейся к категории крупных, минимум средних, а не малых⁴, что является стандартной оценкой во Вьетнаме и на Западе. Крупными принято считать страны с большой территорией (Вьетнам же находится на 62-м месте в мире по этому параметру) и населением от 100 млн чел (с 87 млн он занимает 13-ю позицию, а с учетом живущих и работающих за рубежом приближается к указанному значению), богатыми природными ресурсами. Это определение меняет положение страны в международном сообществе, говорит о ней как о выгодном партнере, указывая России на необходимость расширения сотрудничества с СРВ. Правы ведущие мировые инвесторы, которые ставят Вьетнам во вторую группу наиболее перспективных, быстро развивающихся мировых рынков — ВИСТА (VISTA) вслед за БРИК.

(2) Вьетнам показывает на протяжении 25 лет макроэкономическую стабильность, о чем говорят устойчиво высокие темпы роста экономики. В среднегодовом выражении они превысили 7 %, во всем мире уступая лишь Китаю и далеко опережая другие бывшие соцстраны. Темпы роста в СРВ соответствуют показателям идущих впереди азиатских НИС на стадии их ускоренной модернизации. За счет повышения экономической динамики решена ключевая задача обеспечения расширенного воспроизводства: при снижении темпов естественного прироста

населения с 2,6 до 1 % в год прирост валового продукта стал превосходить его в 6—7 раз⁵.

Благодаря динамике роста успешно решается задача догоняющего развития (если понимать ее как подтягивание к уровню соседних стран — прямых конкурентов), которая оказалась не по силам большинству отсталых стран. Данная задача очень актуальна для Вьетнама: в начале этого века он отставал как минимум на 10 лет от КНР, 15 лет от Таиланда, 20 лет от Малайзии, 25 лет от Южной Кореи, 35 лет от Сингапура, 40 лет — Японии⁶.

(3) Повышаются уровень и стандарты жизни населения, что означает увеличение емкости внутреннего рынка, потребительского спроса и возможностей реализации российских товаров. Подушевой ВВП Вьетнама за 1991—2010 гг. вырос в текущих ценах по обменному курсу со 158 до 1169 долл., а в ППС — до 3205 долл. По этому показателю СРВ оказалась 127-й среди 186 стран (123-е место в 2007 г.).⁷ В итоге по мировой классификации она вошла в нижнюю часть группы государств со средним уровнем доходов, совершив качественный рывок вперед в этом измерении. Хотя абсолютный разрыв с передовыми государствами региона продолжал увеличиваться, относительное отставание сократилось (помимо Китая), особенно при измерении в ППС (табл. 1).

(4) Заметное ускорение темпов экономического роста Вьетнама связано с активной индустриализацией и развитием сферы услуг. Они привели к соответствующим сдвигам в структуре занятости населения, основного капитала, валового продукта, а также совокупного спроса. В итоге с 1990 г. вклад промышленности и строительства в ВВП поднялся с 23 до 41 %, тогда как сельского хозяйства и смежных отраслей сократился настолько же (рис. 1). Следовательно, структура экономики СРВ превратилась из аграрной в индустриально-аграрную и становится в основном индустриальной (эту задачу предполагается решить к 2020 г.).

Структурная перестройка экономики СРВ, как планируется, позволит довести в ней долю промышленности, строительства и сферы услуг в 2020 г. до 85 %, а традиционных отраслей — снизить до 15 %. Поскольку вклад вторичного и третичного секто-

Таблица 1. Душевой ВВП во Вьетнаме и 10 других странах Азии в 2000 и 2010 гг.*

Страна	Душевой ВВП, долл.				Разница с СРВ, раз				Рейтинг МВФ по ППС
	в текущих ценах		по ППС		в текущих ценах		по ППС		
	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010	
Вьетнам	402	1169	1390	3205	1,0	1,0	1,0	1,0	127
КНР	856	4429	2330	7599	2,1	3,8	1,7	2,4	94
Таиланд	1970	4608	4850	8554	4,9	3,9	3,5	2,7	86
Малайзия	3881	8373	8350	14731	9,7	7,2	6,0	4,6	57
Сингапур	22 757	41 120	32 870	57 932	56,6	35,2	23,6	18,1	3
Филиппины	980	2140	2430	3969	2,4	1,8	1,7	1,2	123
Индонезия	730	2947	2200	4325	1,8	2,5	1,6	1,3	120
Камбоджа	291	795	860	2194	0,7	0,7	0,6	0,7	143
Лаос	332	1177	1130	2551	0,8	1,0	0,8	0,8	138
Южная Корея	10 890	29 757	17 130	29 101	27,1	25,5	12,3	9,1	26
Япония	37 549	42 831	25 950	33 733	93,4	36,6	18,7	10,5	25

Рассчитано по: Statistical Yearbook of Vietnam 2005. P.641; 2011. P. 752, 760; URL: www.imf.org.

Примечание: * Показатели 2000 г. основаны на результатах раунда международных сравнений, проведенного Всемирным банком в 1993 г., а 2010 г. — раунда 2007 г.

ров в Стратегии социально-экономического развития страны до 2020 г. не разделен, предположим, что сфера услуг даст 45—50 %.⁸ Идущие структурные изменения повторяют закономерности процесса модернизации в странах «третьего мира» в 1980—2000-е годы. Это позволяет с достаточной уверенностью прогнозировать развитие экономики СРВ в долгосрочной перспективе и указывает, что основные инвестиции следует делать в промышленность и сферу услуг.

(5) Во Вьетнаме, как и Китае, экономические реформы были начаты с аграрного сектора. Увеличение объемов произ-

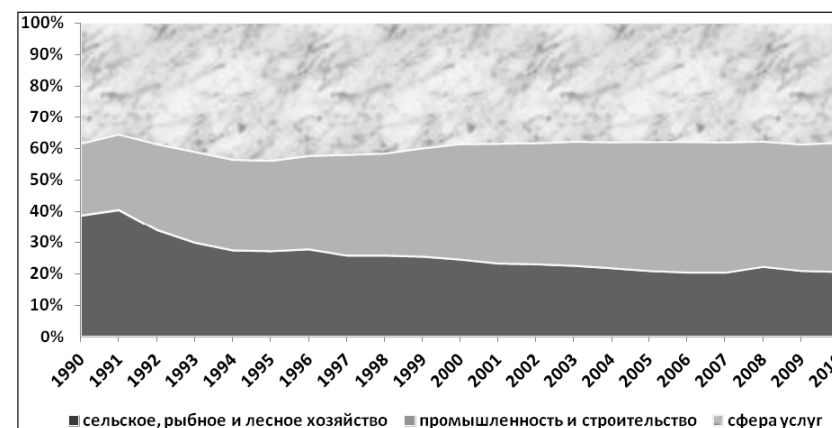

Рис. 1. Изменение структуры вьетнамской экономики по секторам общественного производства в 1990—2010 гг.

водства и продуктивности в сельском хозяйстве во многом помогло преодолению основных трудностей, ускорению экономического роста. Только урожай риса выросли в СРВ к 2011 г. вдвое — до 40 млн т, составив около 460 кг на душу населения⁹, что обеспечило национальную продовольственную безопасность и позволило выйти в мировые лидеры по экспорту риса (в 2012 г. 7,7 млн т).

На ближайшие 10 лет ставится задача расширять позиции по экспорту аграрной продукции (кофе, перца, каучука, тропических фруктов и овощей, морепродуктов). Ряд экспертов выступает за превращение рисоводства и выращивания иных сельхозкультур — лучше в экологически чистом виде, — рыбного промысла в ключевые отрасли экономики, предлагает направлять в них больше капиталовложений¹⁰. Это дает основание ожидать, что СРВ способна укрепить позиции поставщика тропической аграрной и морской продукции в Россию. Российские компании могут напрямую содействовать росту поставок участием в местном плантационном хозяйстве. Пока оно стабильно в производстве каучука, намечено в обработке морепродуктов, а в выращивании и переработке фруктов прекратилось (в совет-

ский период были созданы плантации и заводы по выпуску ананасов, апельсинов и др.). Хотя есть планы и наработки сотрудничества в производстве на экспорт чая, кофе, специй, наша страна в целом лишена этих видов продукции, по которым Вьетнам является лидером на мировом рынке, и покупает вместо дешевого сырья готовые товары, причем втридорога из Европы.

(6) Со второй половины 2000-х годов в СРВ формируются сегменты постиндустриального технологического уклада. На XI съезде КПВ (январь 2011 г.) была поставлена задача ускорения перехода к экономике знаний, качественной перестройки хозяйства за счет роста производительности, применения новейших технологий, преодоления его экстенсивности и обеспечения интенсивного характера развития. Такой курс совпадает с задачами России по модернизации экономики и развитию ее инновационных сегментов. Это значительно усиливает потребность в активизации связей двух сторон в сфере высоких технологий, и ряд проектов уже начат.

Для создания широкого слоя людей, способных овладеть новыми знаниями, технологиями, Вьетнам намерен перенести акцент в инвестициях с материальных факторов на развитие человеческого капитала. В частности, местные эксперты призывают высвободить средства за счет ограничения строительства капиталоемких объектов. Пока здесь готовятся условия для перехода к инновационному этапу, происходят очень быстрые сдвиги в формировании нового образа жизни и организации управления. Последние годы сделан качественный рывок в освоении информационных и прочих высоких технологий: по индексу развития экономики знаний СРВ заняла в мировом рейтинге 94-е место (2006 г.), по так называемой «электронной готовности» 65-е (2007)¹¹. Но прогресс замедлен, так как затраты на НИОКР не достигают 1 % ВВП (2,13 % расходной части бюджета), а научных кадров не хватает (21 тысяча, в т.ч. изобретателей всего 0,18 на 1000 чел.)¹².

Из этого следует 2 вывода: во-первых, для сооружения капиталоемких индустриальных объектов с участием России благоприятные условия сохраняются не более 10 лет. Во-вторых, будет

быстро расти потребность в проектах в сфере высоких технологий и ИТ. Примеры последних уже есть, особенно в секторе телекоммуникаций, туризма, но ряд важных сегментов игнорируется, например, транспорт, обычные коммуникации. Слабо ведется и отстает от масштабов 1970—80-х годов ключевое для экономики знаний сотрудничество в развитии науки, образования¹³. В этом деле РФ полностью уступила позиции странам Запада, прежде всего США и Австралии, что неизбежно ведет в ближайшие 10—20 лет к смене поколений в руководстве СРВ и его политической переориентации, неблагоприятной для наших интересов (в технологической сфере она уже налицо).

Сдвиги и перспективы во внешнеэкономической сфере

Оценим изменения во внешнеэкономической сфере, как и внутренней, чтобы определить перспективные направления двусторонних связей.

(1) Основой подъема экономики СРВ стала внешнеориентированная модель развития. Благодаря ей удалось обеспечить активный приток из-за рубежа капиталов, технологий, знаний и опыта управления, получить поддержку для проведения реформ, найти новые экспортные рынки. Страна включилась в международное разделение труда, достигла крайне важного эффекта масштаба производства. Вьетнам стал одним из мировых цехов (в производственно-сбытовой сети ведущих ТНК) сначала по пошиву одежды и обуви, затем сборке компьютеров и изделий бытовой электроники (включая мобильные телефоны и другие девайсы), наконец, производства сложных электронных компонентов и программного обеспечения.

Хотя это широко распространенная модель, СРВ удается в отличие от многих других стран, в частности восточноевропейских, защищать свои национальные интересы при высокой степени экономической открытости, а одновременно и зависимости. Показатель внешнеторговой открытости превышает 160 % ВВП, композитный индекс открытости иностранному капиталу близок к КНР (3,8 и 4,1 соответственно), доля ПИИ в валовых

капиталовложениях достигает 25—30 %, а предприятия данного сектора дают 35 % производства промышленной продукции, 55 % экспорта, 40 % доходов бюджета¹⁴.

Достичь таких результатов СРВ помогает тактика многовекторности отношений при опоре на ведущие мировые центры силы. В частности, плодотворно развивается сотрудничество с США, ЕС, Японией, Индией, Австралией. Во многом благоприятный внешний фон был обеспечен эффективным участием Вьетнама в АСЕАН, интеграционных группировках АТР (АТЭС, АСЕМ, ВАС, ТТС). Из этого следует важный вывод: Ханой отличается умение поддерживать эффективные отношения как с прежними, так и с новыми союзниками, что, с одной стороны, успокаивает нас, а с другой, показывает, что у РФ много конкурентов на вьетнамском рынке.

(2) Несмотря на активизацию в 2000-е годы сотрудничества Вьетнама с Россией, она далеко отстает по объемам торговли и прямых инвестиций от его ведущих партнеров, занимая места в середине второй десятки. В то же время РФ остается главным поставщиком современного оружия и ряда технологий стратегического назначения (в атомной, аэрокосмической, нефтегазовой, телекоммуникационной отраслях, биомедицине). Это делает нашу страну важным противовесом растущему влиянию КНР и США, а с учетом традиционной дружбы и доверия, наличия большой прослойки интеллигенции, воспитанной в СССР и занимающей сегодня руководящие посты в партии и государстве, перспектив экономического роста России превращает ее в подлинную опору независимости и прогресса Вьетнама. СРВ, в свою очередь, выступает нашим стратегическим партнером в ЮВА. Значит, России неполностью использует возможности участия в развитии вьетнамской экономики, привлечения ее ресурсов, и есть все предпосылки, чтобы исправить эти просчеты и раскрыть имеющийся потенциал.

Отметим, что суммарные российские инвестиции в СРВ составляют 2 млрд долл. в общем объеме ПИИ около 200 млрд¹⁵, а приток капитала из развитых стран после мирового кризиса начал сокращаться. Поэтому Россия может резко повысить свою инвестиционную активность, причем не только за счет строи-

тельства АЭС, совместной добычи нефти и газа, но и других сфер, например, осуществления крупных инфраструктурных проектов, охватывающих ряд стран АСЕАН (энергосети, газопроводы и проч.)

Не следует упускать из вида и уже реализуемую возможность прямых инвестиций из Вьетнама в российскую экономику. Если в 2007 г. приток капитала в нашу экономику из СРВ не превышал 78 млн долл., то в 2011 г. достиг 966 млн в 17 проектах¹⁶, т. е. по статистике ПИИ превысил встречный российский поток, что можно признать парадоксом, представить который было трудно 5 лет назад. По примеру КНР Вьетнам стремится к завоеванию места на мировом рынке топливно-энергетических ресурсов, считая это своей новой стратегической целью. Признано необходимым увеличивать госинвестиции в создание совместных предприятий в странах-партнерах и инвестирование по частным каналам.

Второй из этих форм пока не уделялось внимания, в т.ч. не найдено места в статистике (приведенная цифра не учитывает частные инвестиции, негласная оценка которых доходит до 1 млрд долл.), хотя эксперты считают ее более выгодной, успешно связывающей вьетнамский рынок с мировым. Мелкие частные вьетнамские инвесторы создают бизнес в России на свой страх и риск, зачастую ведут его полу- и нелегально, причем в пришедших в упадок в России отраслях (пищевая, швейная, обувная промышленность). Некоторые предприниматели создали крупное, образцовое производство (например, фабрика по производству макаронных изделий «Ролтон» в Серпухове). Однако большинство занято в сфере торговли и услуг, вывозя заработанный капитал на родину и нередко превращаясь в миллионеров.

(2) Наглядный пример расширения внешнеэкономических связей СРВ — заключение ССТ и создание ЗСТ с рядом соседних стран, вступление в ВТО (конец 2006 г.). Членство в ВТО, открытие внутреннего рынка — при неоднозначных последствиях этого шага для местных производителей и торговых сетей — привело в течение первых же 4 лет к удвоению объемов внешней торговли СРВ и росту в 3—4 раза притока прямых

инвестиций¹⁷. Так, переход к принципам свободной торговли с США позволил сторонам поднять товарооборот всего за 10 лет почти с нуля до 21,5 млрд долл. в 2011 г. Активное развитие прямой приграничной торговли и переход к расчетам в местной валюте наряду с формированием КАФТА сделали Китай первым торговым партнером СРВ (35,6 млрд долл. в 2011 г.)¹⁸.

В то же время товарооборот с РФ, хотя и растет, но крайне медленно — с 2008 г. он колеблется на уровне 2 млрд. В этой связи «медвежью услугу» оказывают попытки наших чиновников, а с их подачи СМИ, ряда экспертов любыми средствами «поднять» объем и темпы роста взаимной торговли, чтобы на этой основе обосновать возможность ее увеличения в 3—5 раз. Конечно, быстро растущий экспорт российских вооружений в СРВ — тоже торговля, но по мировым стандартам такие поставки не принято включать в статистику торговли гражданской продукцией. Вряд ли полезно выдавать желаемое за действительное и предаваться самообману.

Россия также намерена создать ЗСТ на базе Таможенного союза РФ—Беларуси—Казахстана с Новой Зеландией, ЕС и АСЕАН. Третий проект решено начать с Вьетнама и, хотя разговоры об этом ведутся уже три года, однако практического движения вперед не видно. Понятно, что это крупный новый для нашей стороны проект, причем дающий иностранному партнеру огромные выгоды при не вполне очевидном выигрыше для РФ. Но почему тогда не нашло никакого отклика наше предложение в форме эксперимента попытаться создать франко-порты (вариант СЭЗ) во вьетнамском порту Камрань и Советской гавани на Дальнем Востоке России с перспективой строительства туристической инфраструктуры, беспощинной торговли?

(3) Подъем экономики и уровня жизни населения Вьетнама обеспечен во многом вкладом большой эмигрантской общины (около 4,5 млн чел. или около 5 % всего населения, основная часть которых проживает в США и более 100 тысяч в РФ)¹⁹. Эти люди направляют растущий объем средств на помощь родственникам, в инвестиционные проекты, недвижимость. Хотя переводы от эмигрантов активно пополняют фонды развития мно-

гих стран, «вьеткиеу» ставят рекорды: их вклад достиг в 2012 г. 10 % ВВП (в среднем в «третьем мире» 2 %), превзошел суммарную помощь СРВ международных доноров (4 млрд долл.) и размер ежегодно освоенных ПИИ (в 2008—2011 гг. по 10—11 млрд долл.), по привлечению которых страна с учетом размеров ее экономики занимает лидирующие позиции в мире²⁰.

Казалось бы, видя какое значение имеет эта часть населения и для Вьетнама, и стран ее временного или постоянного проживания, российские власти могли бы использовать ее во взаимных интересах. Однако налицо тенденция прекращения ранее активного сотрудничества в этой сфере: вьетнамские мигранты выдавливаются из нашей страны, а организованные гастарбайтеры сюда не направляются. Автор делал на разных форумах, посвященных миграции в Россию, конкретные предложения о формах эффективного трудоустройства избыточной рабочей силы из Вьетнама в сибирском и дальневосточном регионах РФ, но тоже не услышал отклика.

Предпосылки и новая правовая база для приема вьетнамской рабочей силы созданы: в 2008 г. подписаны три соглашения, включая соглашение о реадмиссии, и они предусматривают временную трудовую миграцию в обе стороны. Однако в индивидуальном порядке или небольшими группами — для работы на частных предприятиях, фирмах — к нам въезжают единицы. Даже на строительство объектов к саммиту АТЭС—2012 во Владивостоке вьетнамцы не смогли направить большую партию рабочих, хотя пытались. Поэтому целесообразно рассмотреть возможность организованного набора и ввоза рабочей силы в рамках целевых программ, формирования таким образом новой модели трудового сотрудничества.

На наш взгляд, следовало бы опробовать создание крупных аграрных хозяйств на территории Сибири и Дальнего Востока России, которые испытывают острую нехватку рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве, и могут производить дефицитную там продукцию на внутренний рынок и на экспорт, в т.ч. во Вьетнам (например, сою). Вьетнамских граждан должно заинтересовать предоставление в аренду больших земельных площадей в форме подряда на долгосрочной основе — это стимули-

ровало бы их личные инвестиции в производство, а возможно, вдобавок, и государственные. Позитивный опыт организации таких хозяйств в России уже получен при К. Илюмжинове в Калмыкии. Конечно, вопросы управления ими крайне важны и деликатны. С одной стороны, местные власти вправе сохранять над иностранным бизнесом контроль, препятствовать оттоку прибывших в сферу торговли, тем более их бегству в крупные города. С другой, чтобы быть коммерчески выгодными мигрантам, притягательными, предприятия должны опираться на самоуправление и хозрасчет. Отдельно стоит вопрос о создании необходимой инфраструктуры для проживания и производства на «голом месте». Вьетнаму хочется, чтобы это сделала принимающая сторона, но от местных властей трудно ожидать больших затрат и серьезных усилий. России было бы выгодно обустроить новые поселки руками и на средства переселенцев, однако вряд ли такая перспектива для них привлекательна.

Вопрос о том, будет ли Россия принимать вьетнамскую рабочую силу организованно и в каких масштабах, еще более актуален с точки зрения нашего сотрудничества, даже помощи Вьетнаму, в более отдаленной перспективе, о которой тоже надо думать и уже сегодня. Международная специализированная организация, наблюдающая изменения климата на планете, прогнозирует этой стране крайне мрачное будущее. Последствиями глобального потепления во Вьетнаме могут быть подъем уровня мирового океана за 30 лет на 1 м и температуры воздуха на 3 градуса. Это приведет к затоплению многих приморских районов, до 45 % сельскохозяйственных житниц и промышленных зон Вьетнама — дельты Красной реки на севере и Меконга на юге. Как следствие, не менее 11 % населения СРВ (есть оценки и вдвое выше — до 22 млн) будет вынуждена мигрировать в другие районы страны или за границу²¹ в поисках средств существования. В этой связи специалисты ожидают серьезных конфликтов с соседними Камбоджой и Лаосом, а может быть и с Китаем, что никак не будет способствовать миру и стабильности в ЮВА. РФ способна с пользой для себя поучаствовать в решении жизненно важной для нашего стратегического партнера проблемы.

Позитивные примеры и препятствия для выполнения бизнес-проектов

Передовые примеры показывают «флагманы» российского бизнеса. Во Вьетнаме с помощью СССР созданы основы современной промышленности, в российский период продолжено строительство разных электростанций («Технопромэкспорт», «Силовые машины»), начата добыча нефти и газа («Зарубежнефть», «Газпром»), ведется модернизации вооружений и систем управления, прежде всего ПВО и береговой охраны («Рособоронэкспорт»). Военные поставки, в т.ч. недавно инициированные проекты передачи новых технологий, налаживания сборки современной техники (корабельных ракет, беспилотных самолетов) помогают повышению производственного и технологического уровня вьетнамской экономики, подготовке кадров. С той или иной степенью успеха работают крупные СП с российским участием — «Вьетсовпетро» (нефтедобыча — лучшая по показателям в отрасли в ЮВА), «Вьетгазпром» (добыча газа), «Висорутекс» (производство каучука), «Сипримфико» (морской промысел и транспорт), Тропический центр (одно из немногих в мире научно-производственное учреждение биомедицины). Показателен опыт работы оператора мобильной связи «Вымпелком» и ряда других, также ведущих в своем бизнесе на рынке России ИТ-компаний типа Касперского, Абби Лингва. Характерно, что вслед за госкорпорациями в СРВ развернули работу крупные частные компании, например «ТНК-ВР», «Лукойл», пришли лидеры новых для Вьетнама сфер сотрудничества — «Росатом», ОАК-Сухой» (новые гражданские самолеты) и ряд других. Хотя пока российские прямые инвестиции во вьетнамскую экономику невелики, возникший бум интереса наших мейджоров к этой стране способен увеличить приток капитала и бизнес РФ на вьетнамском рынке.

Как мы видим, самые крупные, рентабельные проекты осуществляются госкорпорациями, аффилированными с ними или получающими мощную господдержку частными компаниями. Мелкий и средний бизнес начал освоение вьетнамского рынка по мере роста потока российских туристов. Однако оборот и до-

ходы их бизнеса невелики, а доля наших инвестиций в общем потоке ПИИ стагнирует, если не падает. Такое положение при известном значении мелких и средних предприятий для развития рыночной экономики нельзя признать нормальным, более того оно сильно сдерживает расширение двустороннего сотрудничества. Они, ввиду своей слабости и отсутствия господдержки, не смогут обеспечить серьезный прирост товарооборота, инвестиций. Поэтому основную роль будут и дальше играть крупный капитал и стратегические альянсы на уровне крупных компаний.

Вьетнамские компании расширили свое присутствие на российском рынке, прежде всего, в капиталоемкой добыче природных ресурсов. Это — следствие начала экспорта капитала из СРВ, истощения нефтяных запасов, перехода на равноправные условия работы партнеров двух стран. Успешно начали работать два СП, созданные 2—3 года назад на паритетных началах: «Рус-вьетпетро» («Зарубежнефть» с «Петровьетнам») и «Газпромвьет» («Газпром» с «Петровьетнам»). Они ведут добычу углеводородов и готовятся к строительству НПЗ для экспорта топлива и другой готовой продукции во Вьетнам.

Интересы Вьетнама на российском рынке в основном тоже продвигают крупные государственные корпорации, которые получают для открытия бизнеса — обычно проектов стратегического значения — нужный капитал и специалистов, поддержку «вертикали власти». Частные компании, даже крупные, редко проявляют готовность нести соответствующие затраты и риски. Средние компании, если идут на это, то чаще организуют «теневой» бизнес, чтобы минимизировать свои риски и увеличить доходы (пример — распространение подпольного производства, использующего рабский труд незаконных мигрантов). Фактически основными агентами выступают осевшие в России рабочие, накопившие достаточный капитал, знания и связи, чтобы конкурировать с местными предпринимателями, «крышами», противостоять госаппарату контроля и управления. Ряд из них, наиболее успешные, перенесли свою деятельность обратно на родину, зачастую под видом российского капитала, или легализовали ее в России под видом структур, обслуживающих госу-

дарство. Так сделала компания «Инсентра» в Москве, завершая постройку Ханойского делового и культурного центра с гостиницей и торговым комплексом.

При оценке состояния и перспектив активности бизнеса России и СРВ на рынках друг друга следует учитывать и *сдерживающие моменты*.

Во-первых, реальные возможности для этого ограничены системными препятствиями — высокими торговыми издержками, связанными с доставкой товаров, выполнением необходимых таможенных процедур, неразвитостью финансового сопровождения внешнеторговых сделок и пр. Это по силам в основном крупным компаниям, однако они, как правило, избегают лишних затрат, многие не хотят начинать бизнес, если он не сулит минимум 100%-ной прибыли и не опирается на помощь властей. Другим распространенным подходом, ущербным для отечественной экономики — является всемерная минимизация издержек. Российские предприниматели зачастую работают через оффшорные компании, передавая им экспортную продукцию по внутрифирменным ценам и не платя налогов в свою казну. Типичным примером выступает поставка металлов и удобрений в СРВ через Сингапур и др., что «изымает» их из экспорта России и ведет к расхождению в оценках местной и нашей статистикой двустороннего товарооборота. При реализации инвестиционных проектов крупный бизнес нередко экономит на мелочах типа премиальных для местных агентов влияния, вызывая срыв или задержку освоения больших средств.

Во-вторых, продвижению своих интересов на чужом рынке, особенно у российских компаний, мешает слабая подготовка и организация дела. Они зачастую не знают практически ничего о будущих партнерах (и неверно их выбирают), специфике их законодательства, бизнес этике и пр. На решение подобного рода вопросов требуются дополнительные финансовые средства — причем, очень немалые. К тому же российские бизнесмены, как правило, игнорируют опыт западных инвесторов, облегчающих себе вход на местный рынок через заранее созданные компаниями восточных стран «эмбрионы» или покупку вьетнамских фирм.

Типичной ошибкой является организация сборки и поставка продукции без создания сети ее технического обслуживания и затрат на массовую рекламу. Даже при наличии ниши на местном рынке здесь не смогли закрепиться КАМАЗ, УАЗ и ряд других автозаводов.

Имеет место легковесный и непоследовательный подход российских компаний к сотрудничеству. Например, не столь уж редки случаи, когда Россия предлагает технологии или продукты, которые еще не доработаны до конца или не тестировались. Также встречается неверная оценка эффективности проектов, ошибки в расчетах даже со стороны компаний, успешно работающих на местном рынке в других сферах (вспомним роспуск СП «Вьеттрос» и отказ от строительства первого во Вьетнаме НПЗ, начатого «Зарубежнефтью»). Некоторые авторитетные компании не могут начать или вести перспективные проекты ввиду отсутствия либо нехватки финансирования. Показательны в этом плане неудачи Мосметростроя во Вьетнаме. По той же причине был близок к срыву проект сооружения первой АЭС, но «Росатом» смог получить беспрецедентный госкредит под эту программу (на 8 млрд долл. со ставкой 3 % годовых на 20 лет). Очевидно значение кредитного компонента для внедрения на рынок СРВ.

Допускаются и необоснованно завышенные требования с российской стороны — например, российский алюминиевый гигант «РУСАЛ» поставил вьетнамским хозяевам условие, что сам выберет и определит размеры участков для добычи бокситов и будет их осваивать, только если получит право построить там глиноземный комбинат и т. д.

Слабой остается координация действий российских структур в стране приложения капитала между частным бизнесом и представителями государственных ведомств в лице, например, посольств. Наши деловые круги не видят в этой координации особой необходимости, считая ее излишней и полагая, что если есть деньги, то все проблемы решатся и без нее. От посольства же они ожидают не столько реальной помощи, сколько «доглядывания» за сотрудниками и тому подобного. Со своей стороны, посольства РФ зачастую склонны думать, что частный биз-

нес нажил свои состояния нечестным путем, и поэтому иметь с ним какие-то дела не нужно.

Новым источником трудностей для развертывания бизнеса за рубежом стал мировой финансовый кризис, последствия которого с 2009 г. ощутимо сказываются в России. Некоторые наши крупные компании не смогли продолжить начатые проекты. Это тот же «РУСАЛ» и «Миракс Групп» (строительство отелей), ряд туроператоров (например, «Ланта Тур»). Даже успешно работавшие на вьетнамском рынке компании не выдерживают конкуренции или упорно не соблюдают правил «честной игры». Подрывая тем самым бизнес местных лидеров, они становятся «персонами нон грата». Такова участь «Вымпелкома», а в части конкуренции — «Силовых машин».

Имели место случаи, когда российские участники наиболее крупных, привлекательных для иностранных конкурентов проектов, становятся жертвой геополитической «игры интересов» и борьбы местных кланов. Яркий образец — лишение победы в тендере на осуществление вьетнамской спутниковой программы «ВИНАСАТ» российского НПО Решетнва и передача этого проекта американской «Локхид-Мартин». Менее известный, но столь же экономически и политический весомый эпизод — де-факто отказ СРВ от печати бумажных купюр (донгов) в России в связи с переходом на пластиковые деньги австралийского производства. Надо оговориться, что оба эти события произошли 10 лет назад, сопровождаясь коррупционными скандалами, шумными отставками в высших эшелонах вьетнамской власти.

Характерна также ситуация, когда сферы преобладания наших фирм, освоенные в советское время, оказались заброшены и забыты, так как у наследников советских монополий появились другие приоритеты или были утрачены прежние возможности. Непонятно, например, почему оказав помощь СРВ в восстановлении железнодорожного сообщения в конце 70-х годов, наша страна даже не пытается работать в этой сфере сегодня, притом РЖД осуществляла крайне рискованный проект и понесла огромные потери в Ливии. То же можно сказать и о поставках самолетной и вертолетной техники (гражданской).

Из данного раздела можно сделать следующие выводы. Российскому бизнесу, в т.ч. крупному, мешает низкая конкурентоспособность и культура бизнеса, недостаток опыта и знаний. С повышением рыночной зрелости они появятся, но должно пройти немало времени (десятилетия). Для расширения возможностей частных предпринимателей, особенно мелких, необходимо увеличить государственную помощь им, наладить работу в формате ГЧП. Для деятельности и инвестиций вьетнамских компаний в РФ необходимо создать благоприятные условия на уровне региональных и мировых стандартов, в частности на основе соглашения о свободной торговле нового поколения. Мелких же предпринимателей надо активнее переориентировать на сферу производства и строительства, вытесняя из розничной торговли.

Объективно активизация российского бизнеса в СРВ сдерживается узким профилем его хозяйственных операций, часто не отвечающим нуждам местного рынка. В основном реализуются наше сырье и продукция первичного передела промышленности, что отдаляет перевод экономики РФ на инновационные рельсы. Машины и оборудование, которые раньше составляли основу российского экспорта, не выпускаются или потеряли конкурентоспособность. Новые виды продукции продвигаются слабо, сборочное производство из наших компонентов не практикуется, как делает Китай со своими партнерами. Вьетнам, в свою очередь, не всегда может предложить на конкурентной основе такие продукцию и услуги, которые дефицитны на нашем рынке.

Для преодоления технических и системных ограничений, препятствий, мешающих поднять уровень и объемы взаимного сотрудничества, нужны комплексные и затратные меры, нацеленные не на достижение быстрого эффекта, а ориентированные на долгосрочную стратегическую перспективу.

Подводя самый **общий итог**, можно сказать, что бурное развитие экономики СРВ создало благоприятные и весьма разнообразные условия для расширения двустороннего сотрудничества, которыми надо активнее пользоваться обеим сторонам, особенно российской.

Примечания

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 12-21-09000.

² В 2009 г. он классифицирован Всемирным банком 56-м по размеру ВВП по обменному курсу и 44-м в расчете по ППС: World Development Indicators 2009.Wash. The World Bank. 2009. P.45; UNDP, Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All. P.129. URL: <http://hdr.undp.org>.

³ Стратегия социально-экономического развития страны в 2011—2020 гг. // Материалы XI съезда КПВ. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 129. Если исходить из запланированного душевого дохода (3000 долл. по обменному курсу, то при 100 млн населении ВВП составит 300 млрд долл., выведя СРВ в среднюю «весовую» категорию.

⁴ Осторожность в оценках определяется низким вкладом вьетнамской экономики в производство мирового ВВП (в 2010 г. примерно 0,2 %), глобальный экспорт (0,4 %).

⁵ Vietnam Statistical Yearbook 2004. Hanoi, 2005. P.70—71; 2009 (2010). P.84—85; World Development Indicators 2009.Wash. The World Bank. 2009. P.45.

⁶ Tăng trưởng kinh tế Việt Nam: Những rào cản cần phải vượt qua. Nguyễn Văn Thường chủ biên. Hà Nội, 2005. Tr.14, 17—18; Vietnam Statistical Yearbook 2005. Hanoi, 2006. P.641.

⁷ В 1986—1997 гг. душевой доход рос в постоянных ценах на 5,1 % в год, в 1998—2009 гг. на 5,6 %, т.е. с ускорением. См.: UNDP, Human Development Report, 2007/2008 NY, 2007. P. 230; World Development Indicators 2009. P. 40; 2011. P. 233; Vietnam Competitiveness Report 2010. CIEM-NUS. Porter M.E. ed. Hanoi, 2010. Tr. 28.

⁸ Именно такой показатель обосновывали ведущие экономисты СРВ в период выработки проекта Стратегии социально-экономического развития страны до 2020 г., что важно на фоне известной стагнации этого сектора в годы реформ (при доле в ВВП не выше 40 %).

⁹ Vietnam Statistical Yearbook 2011. Op. cit. Tr.61, 324.

¹⁰ См.: Tốc độ và chất lượng tăng trưởng kinh tế ở Việt Nam. Nguyễn Văn Nam, Trần Thế Đạt chủ biên. NXB Đại học kinh tế quốc dân. Hà Nội, 2006. Tr. 261.

¹¹ Высокотехнологичная продукция в экспорте достигла 11 %, число пользователей Интернет выросло за 2007—2010 гг. с 19 до 35 % на-

селения, уровень проникновения мобильной связи с 27 до 78 %, проведена компьютеризация госучреждений, созданы парки высоких технологий. См.: Phát triển kinh tế tri thức. Op. cit. Tr. 204—211.

¹² В 2003 г. на весь Вьетнама было зарегистрировано 69 патентов в национальной системе и 2 в международной (WIPO). См.: Phát triển kinh tế tri thức. Op. cit. Tr. 198, 204.

¹³ Это направление признается вьетнамскими экономистами приоритетным. См.: Đỗ Hoài Nam, Trần Đình Thiên. Mô hình công nghiệp hóa hiện đại hóa theo định hướng xã hội chủ nghĩa ở Việt Nam. Hà Nội, 2009. Tr.63; Phát triển kinh tế tri thức gắn với quá trình công nghiệp hóa, hiện đại hóa ở Việt Nam. Đặng Hữu chủ biên. Hà Nội, 2009. Tr.290

¹⁴ Statistical Yearbook of Vietnam, 2001; 2009. Op. cit. P.453; World Investment Report 2007. NY, 2007. P. 259; World Development Indicators 2008. Op. cit. P.16.

¹⁵ Включая 919 млн долл. ПИИ, зарегистрированных с 1988 по конец 2011 гг. и свыше 1 млрд (по нашей оценке) инвестиций в рамках межправительственных соглашений. См.: Statistical Yearbook of Vietnam 2011. Op. cit. P.167—168.

¹⁶ Statistical Yearbook of Vietnam, 2007. P. 116; 2011. P. 176.

¹⁷ Расчет автора по: Statistical Yearbook of Vietnam, 2001—2010.

¹⁸ Statistical Yearbook of Vietnam, 2011. P. 493—494, 499—501.

¹⁹ Вьетнамские эмигранты отправили на родину в 2012 г. 10 млрд долл.: URL: <http://telegraf.com.ua/biznes/finansyi> — 20.02.2013.

²⁰ По накопленным за 25 лет реформ зарегистрированным ПИИ Вьетнам почти в 10 раз опередил Китай (первого этапа реформ) на душу населения: 2273 долл. против 250 долл. Переводы от вьеткиев выросли за последние 5 лет с 7 до 12 млрд долл.. См.: ibid.; Tăng trưởng và công nghiệp hóa hiện đại hóa ở Việt Nam. Võ Trí Thành chủ biên. Hà Nội, 2007. P. 232, 236; UNCTAD. Development and Globalization: Facts and Figures. NY, 2008. P. 35; Vietnam: Selected Issues. IMF Country Report 2006. Wash., 2006. Statistical Yearbook of Vietnam 1999. Hanoi, 2000. P. 389; 2007. Hanoi, 2008. P. 39, 103.

²¹ Thayer Carlyle A. Vietnam and the impact of climate change // Climate change and national security. A country-level analysis. Edited by Daniel Moran. New York, 2009. P. 50—54.

С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ВЬЕТНАМЦЕВ В РОССИЮ: ТЕНДЕНЦИИ И ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматривается история и современные тенденции образовательной и возможности трудовой миграции из Вьетнама в Россию. Дана оценка миграционному потенциалу вьетнамцев для обучения и работы в России. Анализ проведен на основе социологического опроса 300 вьетнамцев, обучавшихся и работавших в Советском Союзе и России, который был организован в северных провинциях Вьетнам в 2009 г.

Традиционно Вьетнам был важным миграционным партнером России в области *образовательной миграции*. Сейчас он стоит на четвертом месте в списке стран-поставщиков учебных мигрантов для российских вузов. Вьетнамцы начали приезжать в Советский Союз в 1920-е годы. Это были революционеры, учившиеся с 1925 г. в Коммунистическом университете трудящихся Востока и других учебных заведениях. Всего до конца 1930-х годов в СССР прошли обучение около 70 вьетнамцев, среди которых был и «вождь вьетнамской революции», первый президент Вьетнама Хо Ши Мин. Из тех немногих вьетнамцев, оставшихся в России к началу Великой Отечественной войны, большая часть погибла в битве за Москву, вступив добровольцами в Красную армию. С момента установления в 1950 г. дипломати-